

названными произведениями на книжной полке историка Сопротивления непременно встанут воспоминания Ф. Гренье. Их автор вместе с другими коммунистами сидел в тюрьмах Петэна; после побега из концлагеря принял участие в борьбе партизан и франтиреров, а затем был переброшен в Лондон как представитель ФКП при Национальном комитете освобождения, возглавлявшемся генералом де Голлем. Когда в Алжире было создано временное правительство, Ф. Гренье стал в нем комиссаром (министром) по делам авиации.

Личный опыт автора воспоминаний очень велик. Значение документов, приведенных Фернаном Гренье (частично ранее опубликованных им), трудно переоценить.

Мемуары Фернана Гренье лаконичны и отличаются живостью стиля. Главы о петэновских тюрьмах основаны на заметках дневникового характера, сделанных автором в застенках. О событиях и забываемых переживаниях последующих месяцев и лет Ф. Гренье рассказал темпераментно, передав остроту и свежесть своего первоначального восприятия.

Стержень воспоминаний Ф. Гренье — факты, раскрывающие сущность трех политических линий: всегда принципиальной, подлинно патриотической и антифашистской политики Французской коммунистической партии, антинациональной политики предателей Франции петэновцев и непоследовательной политики деголлевцев, пытавшихся соединить несоединимое — борьбу против гитлеровских оккупантов с необоримым тяготением к антикоммунизму.

Мы читаем о деятельности коммунистов в те годы и восхищаемся настоящими людьми, партией героев. Они были истинными противниками фашистов. Они никогда не теряли ясности мысли и дальновидности, умения ориентироваться в любой обстановке, работать

и бороться в любых условиях. В политике ФКП, в мужестве и самоотверженности коммунистов и других патриотов — подлинное величие Франции. Даже жандармы, подчиненные предателям-петэновцам, чувствовали, что их заставляют принимать участие в преследовании патриотов. ФКП «стала Партией Нации» (Морис Торез); потеряв десятки тысяч борцов, она ежедневно приближала день освобождения.

На долю Ф. Гренье выпала обязанность наладить связь Национального совета Сопротивления, находившегося во Франции, с де Голлем и его лондонским аппаратом. Будучи в Лондоне, он убедился, что эта задача почти невыполнима: деголлевцы фактически срывали помощь партизанам и франтирерам и даже не пересылали во Францию корреспонденцию Ф. Гренье, адресованную ЦК ФКП.

Невозможно читать без волнения и негодования главу «Трагедия Веркора». Мы узнаем из нее правду о судьбе трех тысяч пятисот партизан, окруженных тридцатью тысячами гитлеровцев. Командование партизан тщательно требовало от алжирского правительства бросить французскую авиацию против немцев. Героически продержавшись полтора месяца, они так и не получили этой помощи. Теперь с ужасом узнаешь о том, что Комитет действия, возглавлявшийся небезызвестным Сустаном, ставшим впоследствии одним из главарей

французских неофашистов, утаил все радиogramмы командования партизан, окруженных в Веркоре. Помощь героям Веркора была преднамеренно сорвана, хотя средства для ее оказания имелись. Все это сделали для того, чтобы впоследствии обвинить коммуниста Гренье в нежелании помочь патриотам. Напечатанная в 1947 году статья, в которой сохранилась эта гнуснейшая клевета, так и была озаглавлена: «Они — коммунисты, а потом уже — французы». Ф. Гренье обладал всеми документами, необходимыми для разоблачения клеветников. Он их разоблачил. Но уже никто не мог вернуть к жизни погибших патриотов Франции.

Трагедия Веркора — одно из исторически конкретных и наиболее впечатляющих доказательств того, что антикоммунизм, порожденный страхом перед силой народа, с железной закономерностью приводит к преступлениям против родины и человечности, против демократии и человечества.

Книга Гренье о гитлеровской оккупации Франции, о Сопротивлении — злободневна. Невольно вспоминаешь, что в 1961 году землю Франции вновь топчут солдаты западногерманских войск, которыми командуют вчерашние нацисты, и не сомневаешься в том, что французский народ снова прогонит со своей земли незваных гостей.

Н. Миловидова

Гнев и боль художника

Хуан Антонио де Сунсуеги. Бег в темноте. Перевод с испанского И. Курмарьяна. Предисловие Ф. Кельина. Редактор С. Вафа. Москва, Издательство иностранной литературы, 1960. 316 стр.

Эта книга — трагическая история крушения семьи безвольного, не приспособленного к жизни мечтателя интеллигента Роберто. Его жена Долорес глубоко порядочная женщи-

на, изнемогающая от сражений с кредиторами, от никчемности мужа, в порыве отчаяния уходит с Эрнандесом, ловким дельцом, разбогатевшим на спекуляциях. Трагедия Долорес и Ро-

берто разворачивается на фоне беспредельной нищеты, борьбы за кусок хлеба. Автор изображает грязный мир спекулянтов, темных дельцов, мошенников и пройдох. «Сейчас мошенники в моде, — с наглой откровенностью восклицает Эрнандес, — и надо пользоваться моментом».

Перед нами проходит вереница «героев дня» франкистской действительности: баронесса Рамона, развращенная женщина, преуспевающая на спекуляции морфием; красавица Мари — владелица небольшого магазина, раз в неделю с добродетельным видом встречающая жениха, американского летчика, а в остальное время промышленяющая контрабандой и развлекающаяся со своими клиентами, и др.

В книге Сунсунеги, пожалуй, нет положительного героя. В мире, где властвует чистоган, яд его отравляет все вокруг. Здесь есть только хищники и жертвы. И последними зачастую становятся не только слабовольные люди, подобные Роберто. Трагична судьба Паломы, обаятельной, внутренне чистой женщины. «Я создана быть хозяйкой, женой», — признается она. Но чтобы прокормить семью, Палома вынуждена принимать участие в спекуляциях и становится жертвой своих махинаций.

На первый взгляд, может создаться впечатление, что гнев автора обрушивается прежде всего на головы спекулянтов и дельцов. «Чем больше беднеет страна, тем больше банков», — восклицает один из героев. Но для Сунсунеги это не само зло, а лишь следствие его. А зло, по мнению писателя, — универсально. Все слои общества — от аристократии и интеллигенции до простых людей — охвачены ощущением всеобщего крушения, катастрофы. Отсюда горестный, обличающий монолог Роберто: «Никогда еще мир так не напоминал беспорядочного бега в темноте, как теперь... Законы морали попрапы, господствуют лишь сила и обман».

Но, ясно видя, что страна катится в пропасть, Сунсунеги не знает, не ищет пути общественного спасения. Отсюда крайние пессимизм и желчность, которые пронизывают книгу. Резкий и нелицеприятный критик, писатель вдруг становится беспомощен, когда возникает вопрос — что же делать? Жестоко издеваясь над безволием, фразерством, пре-краснодушием Роберто, он предлагает ему в качестве единственного выхода христианское всепрощение, призывает его быть честным, надеяться на бога. Беспомощный и слабый вывод после столь сокрушительной критики.

Впрочем, здесь Сунсунеги не сводит концы с концами. С одной стороны, он толкает своих «слабых» героев на путь смирения, с другой — его привлекает «сильная» личность. Ею в романе является архижулик Эрнандес. Сунсунеги идеализирует его, показывая Эрнандеса (особенно во взаимоотношениях с Долорес) благородным и честным человеком. Эта противоречивость позиции Сунсунеги отражает растерянность писателя перед действительностью, трагическое сознание его беспомощности.

Сами по себе проблемы, поставленные Сунсунеги, не новы: всеисилие денег, героихищники и герои-жертвы, спекулянты и пройдохи,

женщины, вынужденные продаваться, опустившиеся аристократы, превращающиеся в мошенников. Но в романе все это отмечено конкретными приметами Испании сегодняшнего дня. И потому, хочет того писатель или нет, ненависть к спекулянтам и мошенникам, к коррупции, власти денег оборачивается против франкистской действительности. Гнев его бьет по режиму, который породил мир рамон и эрнандесов, который вверг в нищету и отчаяние Роберто и Долорес и миллионы «маленьких людей» Испании. Он бьет по миру, в котором голодающие люди продают карточки, так как у них нет денег, чтобы выкупить продукты, в котором измученная голодная кухарка отказывается от еды и прячет остатки ее, чтобы накормить сидящего без работы мужа.

И пусть редко, пусть навивно, но тема протеста возникает и живет в книге в раздумьях героев: «...что нас ожидает? Почему не исправят создавшееся положение те, кто должны это сделать? Боже мой! Почему?» — горестно замечает как-то Долорес. Но этот вскользь поставленный вопрос так и остается без ответа. Мир для Сунсунеги — «огромная и непостижимая тайна».

Роман написан в своеобразной манере. Сюжет разворачивается стремительно. Здесь нет авторских отступлений, описаний. Очень краткая, бросающая характеристика людей. Предельно лаконичные, с телеграфной скупостью построенные фразы. Все это создает присущий только Сунсунеги почерк.

Книге предпослано обстоятельное предисловие старейшего советского испаниста Ф. В. Кельина, помогающее разобраться в этом противоречивом произведении. Большую работу проделали переводчик и редакторы, сумевшие воссоздать на русском языке особенности стиля Сунсунеги.

В. Ясный